

МОЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ
НАРОДНОЙ АРТИСТКИ
СОЮЗА ССР

М. И. ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ

НАША семья была вся певучая. Прекрасным басом обладал отец, хорошо пела мать. У брата Якова были кристальной чистоты тенор, а у второго брата — баритон огромного диапазона и красивого тембра.

Мой отец Иван Иванович Литвиненко пробыл в солдатах девять лет. Возвратившись в Киев, он начал работать в Арсенале. Там же работали и братья. Мать была тихой, трудолюбивой, скромной женщиной. В детстве она была крепостной.

Жили мы дружно, но очень бедно и, кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы не случай.

Однажды Арсенал бастовал. Отец остался без работы. Положение у нашей семьи было отчаянное. В эти дни навещался к нам двоюродный брат. Он работал в канцелярии завода и одновременно подрабатывал в качестве соборного регента.

— Пускай Маруся придет ко мне на оперку, — сказал он маме.

После первой же пробы меня взяли в хор. Через три месяца я исполнила довольно сложное соло. И, наконец, я получила первую зарплату — 5 рублей. Заказав в лавочку золотую цепочку, я во весь дух помчалась домой. Молча меня обняла мать и поцеловала. 5 рублей были большими деньгами для нашей семьи.

В тот же год я пришла в заводскую школу, где и заявила необычайно смело, что хочу учиться. Начались интересные дни. Я пела, училась, участвовала в детских спектаклях...

Мой голос привлек внимание одной из школьных учительниц — Анны Николаевны. Она по собственной инициативе отправилась к известному профессору Алексеевой-Юневич и уговорила ее прослушать меня.

— Да, — сказала Юневич, — есть голосок. Но для сцены нужен сильный голос. Маленький голосок ни к чему. Знаешь, девочка, шла бы ты лучше в прачки или горничные, имела бы верный кусок хлеба.

Мои слезы смягчили ее и профессорша позволила мне прийти вторично, но не раньше, чем через год. Весной 1909 года я снова пришла к Юневич. Голос мой окреп, сформировался, и когда я спела вокализ прямо с листа, Юневич была поражена. На этот раз она вызвалась просить принять меня «как уникам» в «императорскую музыкальную школу».

И вот я учусь петь. Прошло два месяца. Отец снова остался безработным. Со слезами я пришла к профессору.

— Придется бросить школу, — сказала я ему.

Профессор был чутким и хорошим человеком. Он отговорил меня, обещав добиться освобождения от платы за обучение. Его настойчивости я обязана тем, что дирекция сдалась и оставила меня в числе бесплатных учеников.

Училась я с увлечением. В конце первого года меня уже начали выпускать в ученических концертах. В 1912 году я заканчивала школу. Во время занятий ко мне подошел председатель музыкального общества Виноградский и пригласил принять участие в юбилейном концерте Киевской оперы. Приглашение меня поразило — обычно на такие концерты приглашали только известных певцов. Конечно, я дала согласие. Концерт прошел успешно. Я спела «Фиделио» — Бетховена. Мне преподнесли огромный букет роз.

В мае (в зале купеческого собрания — теперь Дворец пионеров) со-

стоит торжественный выпуск нашего класса.

Приближалась осень. Меня волновали мысли о работе, о театре. Как-то один из преподавателей музыкальной школы сообщил мне, что в труппу Садовского нужна певица. Через пару дней состоялась моя встреча с Николаем Карповичем Садовским.

— Ну, что ты мне пропоешь? — спросил он.

— Могу арию Оксаны из «Запорожца за Дунаем» спеть, — волнуясь, ответила я.

— А ну, стой.

Я спела арию Оксаны, а потом арию из оперы «Паталка Полтавка»...

— Веру к себе, — сказал Садовский, — хорошо поешь, милая.

И через несколько дней моя фамилия значилась на огромных афишах.

Прошел год. Летом 1914 года я встретилась с приехавшим из Петербурга известным тенором Севастьяновым, которому поручили отобрать нескольких певцов для Петербургской музыкальной драмы. Севастьянов меня прослушал и пригласил в Петербург.

Закончив летний сезон у Садовского, я выехала в новый театр, чтобы дальше петь и учиться. Годы моей работы в Музыкальной драме — период серьезной и напряженной работы. В этом театре, состоявшем в большинстве из молодянка, кипела огромная творческая работа. Здесь я научилась художественно и музыкально раскрывать образ. Мне много помогли такие учителя, как Лапчик, дирижер Бехтер и другие. Продвигалась я быстро. Пела уже много партий в опере: в «Аиде», «Пиковой даме», «Каменном госте»...

1917 год застал меня в Харькове. Огромный революционный подъем захватил и меня. Победа Великой пролетарской революции открывала перед искусством безграничные перспективы. Какое счастье было для меня — певицы, выросшей в рабочей среде, с трудом проложившей себе путь в искусство, петь своим песням свободному, радостному народу.

В 1918 году я снова попала к Садовскому. Это были прекрасные дни. Мы играли спектакли и одновременно давали концерты по приглашению командования многочисленных красноармейских частей.

Помню в 1919 году перед наступлением белых на Киев, в помещении цирка состоялся митинг красноармейцев. После огненных речей начался концерт. Перед вооруженными защитниками Киева выступали — Собинов, Смирнов, Донец. Участвовала в концерте и я. Это был вечер большого творческого счастья, теснейшего контакта между зрителями и нами, артистами.

Белые наступали на город, и я с группой актеров решила покинуть Киев и выехать в Каменец-Подольск. Но вскоре на Каменец-Подольск начали наступать поляки. Мне пришлось переключаться в Винницу. Там мы организовали труппу, она была названа «Прифронтовой труппой». Большую часть времени мы разъезжали в теплушках по станциям и давали концерты и спектакли для частей 24-й дивизии.

Нельзя забыть, с каким вниманием и теплотой относились бойцы к нашим выступлениям. Красноармейцы трогательно благодарили нас за концерты, которые мы им давали в перерывах между боями. Сколько было случаев, когда спектакль прерывался сигналом тревоги! Глухо рвались бомбы, трещали пулеметы. Гас свет, и наши зрители тут же строились в боевом порядке, чтобы идти в наступление на врага. Так проходило время чрезвычайно волнующее, богатое незабываемыми эпизодами.

Прошли дни гражданской войны. Началось мирное строительство. Мы возвратились в театр, чтобы творить советское украинское искусство. Я начала работать в Киевской, а затем в Харьковской опере. Здесь в свой бенефис, пользуясь правом бенефицианта выбирать пьесу, я поставила украинскую оперу «Галька», вложив и свою долю участия в серьезное дело украинизации оперного театра.

В 1926 году я была награждена званием заслуженной артистки ре-

спублики. В 1930 году мы торжественно отпраздновали пятилетний юбилей нашего театра. В этот день мне присвоили высокое звание народной артистки республики.

В 1933 году, мы, украинские народные и заслуженные артисты, организовали поездку в Особую Дальневосточную армию. Наша бригада обслуживала приамурскую полосу. Почти полтора месяца мы выступали в полевых лагерях, красных уголках, клубах, на пограничных заставах. Трогательны были заботы бойцов и командиров, их радость, когда мы на грузовой машине являлись в расположение части. Невиданно теплый прием и горячая благодарность — этих моментов наибольшего человеческого счастья, никогда не забудешь.

Нас наградили грамотами, значками и ценными подарками. Впоследствии мы много ездили по великому Союзу с показом мелодичной украинской песни. Но особое впечатление у меня осталось от встречи с донбассовцами, которая состоялась у копра знаменитой шахты им. Сталина (Ирмино). Мы пели на импровизированной эстраде для смены шахтеров, которые поднялись «на гора» и окружили нашу эстраду.

В 1935 году я перешла на работу в Киев. В последний год я пережила много счастливых, радостных моментов: встречу с великим вождем народов любимым Сталиным, счастье петь перед ним, получение высокой награды — ордена Трудового красного знамени и, наконец, присвоение мне звания народной артистки Союза ССР.

Сейчас я много работаю, учусь. Я хочу овладеть еще большими высотами вокального мастерства, чтобы моя песня звучала прекрасно и радостно, чтобы она была достойна великой сталинской эпохи...

Народная артистка Союза ССР закончила свой рассказ. Она придвинула к себе круглое зеркало и коробку с грифом. Простую, деревянную грубоватую коробку. Уже много лет артистка не расстается с ней, считая ее величайшей ценностью: на коробке выведено: «Артистке Литвиненко-Вольгемут от благодарных бойцов 24-й дивизии — сентябрь 1920 года. Винница».